

СЕРГЕЙ НЕБОЛЬСИН

ОПАСАЯСЬ РУССКИХ ВОПРОСОВ

(Александр Блок глазами Влад. Новикова)

Один близкий Блоку человек (кажется, Княжнин; был такой) писал о поэте: он хорошо сам знал, где в нём кончается русский и начинается немец. Ну, домыслим: русское — этот порывы и размах, это наша воля (не психика, а союз свободы и простора), и даже разгулы-загулы

— *пить вино, смеяться с милым другом,* —

даже мятежность. А немецкое? Тут подумаешь, что оно начиналось с фамилии: мол, немецкое слово **Block** значит колода, дубина, пень. Но забегать вперёд не будем, а друг поэта указывал на иное: что Блок скрупулёзнейше подсчитывал денежные траты, цены и гонорары, всё заносил себе в книжечку, вёл дневниковые записи в амбарных по виду тетрадах, всё: и бытовое, и страстно-пылкое — отражал там же каллиграфически-бухгалтерским почерком. Предчувствуя скорую смерть, он тоже крайне деловито изничтожал эти записи, с ножничками и клеем в руках и т. п.

А в стихах всё так бурно, там всё она —

о, весна без конца и без краю!..

Есть и иные мнения о двойственности бескрайнего Блока: мол, он прошёл по родимым ему русским просторам в каких-то голландских ботфортах. Так думал Есенин.

Допустим. Что ни говори, а Есенин-то на такой суд право имел; имел на нерусскость и чутьё. Ну, а воспел-то Блок наши поля — именно с голландской нотой или с какой? Нерусское — разве обязательно голландское или немецкое?

Начинал он с мелодики Фета и Жуковского, потом увлёкся сухо-истощными возвышенными страстями Владимира Соловьёва. (Вечную женственность, ту пел якобы в духе даже Гёте.) Потом Блок гражданствовал: и по Некрасову, и по Надсону; ну, и просто сам — обгоняя и превосходя многих. Вы читали “Фабрику” или “Двенадцать”. Между ними Блок же создал весьма проникновенный цикл “Родина” — про обречённых на войне, про вечно обречённых русских, про загадочную “татарскую волю” у нас в душе, в свете чего потом —

*Те, кто достойней — Боже, Боже! —
Да узрят Царствие Твоё!*

Цитирую на память, но что помню надёжно — так это то, что Блок почти всегда на подобное уповал. Да это и все запомнили.

* * *

И вот в 1918 году (или уже в 1917-м), как заметил лет через десять после того Маяковский, — **кругом тонула Россия Блока**, а Блок всему этому говорил своё заупокойно-стоическое **хорошо**. Он пожар наш, не без оснований сочтя его недораспылавшимся мировым, принял почти бестрепетно. Он радовался переполоху среди сытых, срыву покоя среди интеллигентов-пустословов, приспособленцев, разложенцев и сеятелей разложения. И Блок не раба — он несколько лет, с 1916 по 1921, добросовестно **выдавливал из себя по капле господина**. Он ценил даже само слово “товарищ” — правда, не без театральности в тоне, когда его выговаривал.

Он при этом — да и за все эти годы — перегорал и надорвался: что в упомянутом пожаре, что в вине, что в борделях (фи), что

*В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву,*

что в схватках-приступах весьма неприличных болезней, что на приёмах-разносах у “марксистских генеральш” (так он звал бывшую подругу Горького — Марию Фёдоровну Андрееву). Надорвался Блок и в муках и от того, что не всё задуманное сбылось по плану. А ведь им продумывались, отчасти по-немецки, все мелочи, просчитывались без колебаний все жертвы. Повторим: **жертв он не боялся, а свои собственные лишения считал заслуженной карой за свой же блуд**.

В личной жизни — ему вроде бы повезло; ему достались чуть ли не четыре возлюбленные-музы; детей не было, но к жене, весьма часто ходившей — неужённая — по рукам, он не испытывал отвращения, так что с этой стороны дом ему не казался преисподней. Это ведь правда везение? Но и такой человек — перегорел и умер. А жить бы и жить — толерантным Филимону-то с Бавкидой. Правда, в гражданскую им было холодно и голодно. Однако многие голодали-холодали и сильнее, намного сильнее.

* * *

Кончина поэта пришлось на 1921 год (девяносто лет назад: не ноябрь, правда, а август). Кончилось-таки в Блоке всё: и немецкое, и русское.

Впрочем, что мы: почему же оно кончилось? Разве оно только физично-биологично — и оттого, естественно, тленно? Разве оно не звучит сладостно-истомно — подчас даже истощно — из блоковских стихов до сих пор?

*Раздарить цветов чужим подругам,
Страстью, грустью, счастьем изойти...*

И разве то, что бегло и исподволь обозначенный Октябрьём 1917 года **Исус Христос** — он впереди, разве это тоже кончилось? Разве оно не оказалось верным навсегда? А ведь расслышал это в Октябре — Блок, и сообщает это и сейчас.

Не столь уж маловажно, но постараемся миновать пока одно: находя в Христе и “грешность”, и таинственность, и **женственность**, и артистичность (а находил), Блок, вероятно, и **самого себя был готов ощутить Христом**. . . как Евтушенка в “Бабьем яре”. Но вот что ещё насущно: разве только русское и немецко-голландское звучит в Блоке сегодня?

Русское — оно есть:

*Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю.*

Это ведь о России. Да, раньше не любил — ибо рос “в парке дедов”, в мире дачников; но заодно с Русью пьяной — полюбил всё (бывает). Однако что вот ещё звучит у Блока? Что ещё звучит в его собственно любовных песнях? (“Русь-жена” — не есть собственно любовное; оно похоже на наполеоновское отношение к Москве как влекущей азиатке, но тут Блок и не блудодей и не собственно француз.)

Стихи Блока собственно любовные — они вот правда: они источают сладостную, до чрезвычайности высокую ноту артистичных похотей. Это так мощно и вместе тонко звучит в словах и млениях, что и сам поэт как личность кажется — по крайней мере дамам — брутальнейше оснащённым самцом, гением изошрённо управляемого вожделения.

И это всё тоже не ушло, оно звучит и по сегодня, хотя брутальных наследников-мужчин у Блока не оказалось.

* * *

На счёт такого блоковского артистизма опять есть разные мнения. Например, некий попутчик Блока — ну, в “общественном транспорте” — по-розовато-вьедливо присмотрелся однажды к поэту и спросил: **да вы — мужчина? или вы — переодетая женщина?** И Блок поёжился от злой зоркости соглядатая. Вот одна из разгадок его двойственной, женско-мужской сладоточивости и привлекательности:

*Ты сомнёшь меня в полном цвету
Белогрудым усталым конём —*

— это ведь не Анна Горенко, податливо-гибкая тростиночка, тянется к какому-нибудь мичману, а у того упорно-тупой лошадиный или жирафоподобный лик. Это именно Блок ощущает и луг, и цветы, и коня, как томная, ждущая женщина. Столь блистательно постигая и выражая даму с траурными перьями и т. п. — кто же он сам, Александр Блок?

Нам в ответ тут же сошлются на мужчину Флобера, на его женщину Эмму Бовари. И тогда Блок, скажет кто-то, хотя бы и отчасти, но всё-таки француз? И, мол, не это ли важно, среди прочего, распознать в Блоке сегодня?

Однако вот ещё толкование для той же неуловимости, неуравновешенности-неоднородности.

* * *

Книга, на которую я в дальнейшем буду походя откликаться, — это недавнее издание:

*Владимир Новиков. Александр Блок.
Серия “Жизнь замечательных людей”.
Молодая гвардия, Москва, 2010.*

Книга эта не касается нашей темы прямо — что, кстати, само по себе весьма знаменательно и даже “эвристично”. Но вводно я всё-таки замечу, хотя и не без дальнего прицела, следующее. Её, названную книгу о Блоке, вручил мне один мой знакомый у памятника иностранцу Эрнсту Тельману. Для кого как, а для меня важно. Ну, автобиографически.

Тельману — не Гельману. И памятник — он не Розе Люксембург, конечно, и не Кларе Цеткин; но всё же, всё же, всё же, как говаривал родившийся сто лет назад Александр Трифонович. И около того памятника мне вспомнилось нечто из области, которая на иных — наводит страх.

* * *

Был 1971 год. Я ехал из рукописного отдела Пушкинского дома куда-то к Финляндскому вокзалу Ленинграда — и не помню, почему туда. Но в голове как

раз плавали блоковские строки, блоковские даже текстологические закавыки. Ибо мало того, что там, в питерских архивах, я нашёл изобилие ранее “не включавшегося” и опасно укрывавшегося от читателя. Ранние издания стихов и дневников Блока оказались не только что неполны – они ещё были и ужасающе безграмотны. (Неужели они и дальше будут такими же? Если да, напишу, снабжу это развёрнутыми портретами жуликов и недоучек.) В общем если плане, то я этого уже как-то касался: то была якобы петербургская учёность и надменность, но она оказалась, на проверку, сильнее. . . оленингражена.

Действительно: с какой стати издатели-толкователи Блока его искажают? Блок вот пишет, вслед за Овидием: **вдохновение влечёт меня воспеть формы-идеи, переселяющиеся в новые тела**. Чисто платоновская, казалось бы, стихия. Ну, да не мне вас учить. А Владимир Шапиро-Орлов утверждает, вполне в духе тогдашнего истмата-диамата, будто это **преображение тел в новые формы**. С какой стати? Перед тобой Индира Ганди, а ты говоришь: Фидель Кастро. И терпеть такое – доколе, о Катилина?

Но Орлову неймётся. Блок пишет к своим стихам эпиграф из Апокалипсиса, по-гречески – мол, не какой-нибудь Иоанн, а **Я увидел новое небо и новый, ужасно-украшенный Иерусалим в сиянии Бога**. То есть получается или же предчувствуется, что грядущее всемирное обновление суждено свидетельствовать Блоку **самому**. А Орлов-Шапиро, не выдавший по-древнегречески и аза в глаза, гонит перевод по другому, Блоком сознательно отвергнутому источнику, хотя тоже вроде по Апокалипсису. Там сказано: **и я, Иоанн, увидел**. . . Есть разница или нет – в свете будущих-то “Двенадцати”?

Или вот ещё: в “Судьбе Аполлона Григорьева” Блок, следуя своему герою, германствует. Как и забубённый поэт цыганских венгерок и проч., он пишет:

O Mitternacht, erwurfidgste, tiefe Mitternacht – что говорили в старых общинах. . .

То есть – вы же, батенька, понимаете? Вы понимаете, насколько это – если по-немецки – безграмотно и бессмысленно?

Однако как именно поправить и прокомментировать, тут оставалось загадкой. И вот стою я в ленинградском троллейбусе, вижу рядом кучку аккуратных немцев – явно западных – и обращаюсь к одному из них:

– Уважаемый, мол, господин, извините. Я вот издаю сочинения одного русского поэта – кстати, он из немцев. . . Так вот: верно ли я понимаю, что слова такие-то о великочтимой глубокой полночи раньше печатались ошибочно и безграмотно? (И я цитирую.)

– Да, вы правы. Так по-нашему сказать нельзя. Как именно надо было бы – я и сам не знаю. Но кстати: вашего поэта звали-то как?

– Александр Блок.

И тут произошло то, что я до сих пор особенно чётко помню. Серые глаза собеседника как-то строго похолодели. И он твёрдо, не допуская сомнений, отчеканил:

– Блок – не немецкое имя.

– Но он из Германии. Они обрусели. . .

– Фамилии Блок у немцев – нету. . .

Я остался на остановке у Финляндского один, остолбеневший. И долго стоял я в обиде, себя проклиная тайком. Ведь я понял его, немца, намёк – а сам ведь был воспитан каким? Сугубым советским интернационалистом. И только через год, когда Берта Яковлевна Брайнина, вечная спутница позднего Дмитрия Дмитриевича Благого, начала восклицать в беседе со мной:

Да не может быть, не может быть! –

только тогда Дмитрий Дмитриевич – по Мандельштаму, он был **ходя в ермолке** – спокойно ответил:

– Ну нет, милочка, может. И ещё как! А Фет? А Гейне, а Песнь песней? Вот таков ведь и лиризм Блока! Что думаешь: случайно? И было всё равно, какие лобзать уста. . . И мой любимый, мой князь, мой жених, и родинка пунцовая возле такого-то плеча, как у блудливой Катьки – это всё по Песни песней, милочка. А революция-Дева? А Россия как жена?

Так говорил Благой. Его призвали всеблагие как собеседника на пир. И покривить душой перед ними – Благой не мог.

* * *

Поменьше шовинизма! Никакие двести текстовых поправок – их не меньше этого в шеститомнике Блока 1971 года, – где немало, впрочем, и моих собственных промашек и ляпсусов, – они не докажут, что мы хотим Блока и воспетую им Деву-Революцию унизить по национальному признаку. Да, я писал потом дважды или даже трижды о любопытнейшей – немецкой якобы – родословной русских Блоков (известия АН СССР; альманах “Прометей”; моя собственная “Прошлое и настоящее”). Да, печатал и наш журнал – то есть “Наш современник”, 1990, № 8 – статью “Искажённый и запрещённый Александр Блок”. Но зачем шовинизм? Это как-то... ну, не по-русски.

И я решительно не согласен со Станиславом Куняевым. Пускай то удачное название – Александр Блок искажённый и запрещённый – придумал для моей статьи именно Куняев. Однако почему он говорит холокост, а не холокауст?

Явление и слово – древнегреческие, и незачем их осовременивать и офранцузивать: таких были тыщи повсюду. Ведь не делают этого, произнося греческое слово верно, ни любимые Станиславом венгры, ни искренне уважающие Куняева за правду поляки. У них у всех – холокауст, а не холокост. (А вы – читайте его книгу “Жрецы и жертвы **холокоста**”.) Таким образом, ба-теньки, вы что: языков не знаете? Тогда не пишите о Блоке.

И с Куняевым я не согласен **принципиально**, хотя главное для нас всех – это, конечно, терпимость; и особенно – это **общевропейский дом терпимости**, сложившийся ныне. Его судьбами мы и озабочены. А также принципиальная неправда и то, будто Солженицын взял из моих работ о родословной Блока указание на его “подлинную” якобы национальность.

Вы, пожалуйста, смотрите об этом труд “Двести лет вместе”; а я – не смотрел его и не буду; но зачем русскому шовинизм и ксенофобия?

На национальность ни Блока, ни самого Александра Исаича я нигде не указывал. Зачем нам литературная власовщина и вечное её приспособленчество – то к Троцкому и Ленину, в письмах с фронта, то к заказам от МГБ в лагере, то к западноевропейской демократии, то к русскому патриотизму и к монархии-империи?

* * *

Безграмотно, прискорбно, вертляво – и... позорно.

Так себя – против воли, конечно – аттестует перед умным читателем и Володька Новиков, если только это именно он написал после книги о Володьке Высоцком нынешнюю книгу про Александра Блока.

Знал я когда-то такого умного живчика – студента и аспиранта с филологического, бонвивана и бражника из общежития; отчислили его когда-то церберы Московского университета – то есть сделал это самолично тогдашний декан А. Г. Соколов. Володенька! Помните меня?

Скажем ниже и о блоковской книге Влад. Новикова.

* * *

О, автор нынешней книги про Блока знает русскую поэзию намного лучше, чем кто-либо ранее из писавших книги про Блока. О, он знает дело, он чувствует, он рассуждает пластично, уверенно и умело.

Но он боится правды о Блоке. То есть чует её – и трепещет. **Революция приносит много жертв. В революции много зла, и Блок этого не осознал вовремя. Революция, мол, на деле-то и не нужна была России...**

Как... величаво-плоско! Во-первых, Блок всяческое зло и любил, и проповедовал издавна, а не то что вдруг дал промашку. Ещё когда, ещё в 1907 то есть году, он восклицал:

*И в новый мир вступая, знаю,
Что люди есть и есть дела,
Что путь ОТКРЫТ, НАВЕРНО, К РАЮ
ВСЕМ, КТО ИДЁТ ПУТЯМИ ЗЛА.*

На революцию – в частности, как раз с указанными оттенками, – он издавна и уповал, хотя от Фета-Жуковского отделился не сразу. Он уповал, что она, революция, хотя бы и своим злом уничтожает неравенство, грязь “интеллигентской” якобы жизни, пресечёт позор войны. Ещё он ждал явления миру, в силу Октября, каких-то человеко-артистов, одновременно одобрял и “торжество масс”. Он **не струсил** (запомните, Влад, это ведь важно и для интеллигента экзотично), когда разразился тот Октябрь – пускай свои собственные записи на данный счёт аккуратненько повыврезал и поуничтожил. Объясним это или попробуем объяснить позже; но Ленину и большевикам, будучи далеко не глупее, скажем, Егора Гайдара, доверял. Пусть он подлинно-коренного большевика-бойца, большевика-комиссара, большевика-окопника, красного партизана или строителя “железки” под Бояркой – пускай такого он не видал толком и объёмно не понимал. Пускай это его недочёты. Ну, а с вашей-то стороны, Влад, с вашей-то стороны – ну, разве не плоско с умненьким видом открывать Америку: что, например, при цунами и землетрясениях неизбежны проявления зла? Утверждать, будто “оказалось”, что **революция-цунами земному шару не нужна и едва ли полезна** – не плоскодонно ли? И поэтому, мол, умные люди должны были бы заранее в цунами “разочароваться”, испугаться его и куда-то убежать – в Ташкент, в Омск или куда...

Правда, считают ведь иные, что революция никакое не цунами – просто заговор и злодейство земных жуликов. Готов согласиться, но Влад. Новиков едва ли такой уж приверженец конспирологии, признаватель козней сионских мудрецов и тому подобного. Землетрясений не надо, и стоило бы их законодательно, через “Яблоко” или “Союз правых сил” запретить, и сомневаться в их вредности – уголовное, по французской юстиции, преступление.

* * *

А Блок вот, может, и заблуждался; но плоских объяснений необъятному и даже, пардон, неземному – он себе никогда не позволял. Да, радоваться после Октября он не всему радовался. Да, Гражданскую войну считал просто резней и **скукой**. Таких людей, как Павки Корчагина ли, Григории ли Мелеховы, Анны ли Погудко, Риты ли Устинович или Мишки Кошечевы, надмирный Блок не чувствовал изнутри. Разве Листницких, да и то без их военно-офицерской и казачьей струнки. Поэтому он и не замышлял ничего подобного “Тихому Дону”. Взвзвись за Живаго, Пастернаку бы он не уступил, но это ли мера...

Однако что особенно удручало поэта в поздние годы?

* * *

Больше всего удручало Блока в послеоктябрьской России и в себе – пускай и запоздало, но совсем иное, чем “скука”. Конечно, Блок всё же не знал с такой уж точностью, когда в нём кто начинается и когда кончается – немец, русский или ещё кто. И – конечно – в сладчайшей и музыкальнейшей своей лирике-мистике – в ней и через неё он напитал русский воздух не голландщиной. Тут и вправду было больше от Песни песней, от Гейне и Фета, от Владимира Соловьёва. Но сам-то он хотел от этого свободы! Он хотел наконец освободиться от того, что как раз этой сладостно-благоуханной традиции являло оборотную сторону медали!

УСЛЫШАВ ЗА СПИНОЙ СЕМЕНЯЩИЕ ШАЖКИ И ЗАПАХ ЧЕСНОКА – РАЗВЕРНУТЬСЯ И ДАТЬ В МОРДУ. Вот о чём он мечтал и на что не мог решиться перед Октябрём, будучи в плену буржуазных критиков и буржуазных издателей. Он тут доходил до крайностей. Ибо, мол, **не отбросы этого племени (они окружают только нас, они только в культуре), а ВСЯ НАЦИЯ ПАХНЕТ ТРУПОМ.** Таковы были блоковские и заветные, и совершенно чёрные мысли.

Это почище холокоуста. Там хотели злодейским способом очистить нацию от её отбросов. Там хотели избавиться только от мелких Менахемов Мендлов, от Тевье-молочников, от Йоселе-соловьёв и незаможных зачарованных портных; Эйнштейнов оставить, а новый град воздвигнуть только для избранных. А тут – у Блока – признание нечистыми всех!

И вот не успел разразиться цунами-Октябрь, как всё те же лица окружили Блока и опять стали поучать. Только на этот раз они пришли к поэту в кожаных куртках, в мужественных сапогах, хотя с теми же “аромами”. Как тут было не удручиться?

И вот нашёлся кто-то гадкий – скажем, дальний родственник поэта, “сатана и буржуа” Шульман, который прошептал:

– Вот вы, Александр Александрович, ненавидели буржуазных гешефтсмахеров? Вызывали на них чуму революции? И вы теперь видите всё те же лица у любезных вам сперва комиссаров. То есть получилось ещё хуже, чем было. Так вот я вам скажу следующее. Вы знаете, из кого вы будете все сами? Из кого вы сами, немцы якобы Блоки? Не из будущих комиссаров ли?

Резче подкосить человека с русскими вроде бы взглядами – но с болезненно антифранцузскими оттенками этих взглядов – было нельзя. И Блок подкосился и надломился.

Раньше-то он, чёрным образом ненавидя “нацию, насквозь пропахшую трупом” (какой шовинизм), толком не вдумывался в свою собственную фамилию. Не без причин сблизился, попытался сблизиться, с русскими Тельманами. За товарищами Тельманами сперва не заметил, а потом с огорчением заметил Клар Цеткин и Роз Люксембург и удручился (какое женоненавистничество). И вдруг – в себе самом распознал эти женские, скажем так, гены. И самое прискорбное, эти гены счёл ключом к своей сущности, удручился и усоп. Вот она, жизнь и смерть по-своему замечательного поэта-лирика, поэта-гражданина.

Уходя от нас, товарищ Блок не знал, что некая питерская “община” действительно придёт к его семье выразить ей соблезнование – в августе 1921 года – в связи с кончиной поэта, но по сугубому “национальному признаку”. А община явилась, и признак этот был национальный, но отнюдь не немецкий.

* * *

Вот жизнь и кончина замечательного, но заблудившегося человека. Вот, батенька, как разрушительна ксенофобия, если она снedaет вас изнутри (совершенно не русский случай, но он произошёл).

Володька Новиков, конечно, не знает греческого языка. Но слово “парадигма” ему наверняка знакомо. Русская парадигматика давно заготовила решение: родниться надо не по крови, а по духу. Разве не к этому звал интернационалист Гоголь, равно осудивший и предателя Андрия, и гешефтсмахера Янкеля?

Учув в себе самую кровь, якобы чуждую русскому духу, Блок потерял жизненную опору.

Ну при чём тут химера революции, с последствиями которой большевики сумели справиться, впрочем – ну, к 1937-му, ну, к 1940 и 1941 году. Зачем лаять на цунами, распускать о цунами порочащие слухи – мол, оно не гуманно. Зачем “протесты в адрес цунами и землетрясений”? Таковы ж революции всегда – включая и Великую Французскую – которую Влад. Новиков, как чуть ли не истый француз, почему-то клясть и развенчивать и не думает.

Причиной гибели поэта было не само цунами. Если уж исхитриться в доводах общего плана – то виновато было продолжавшееся и после цунами, им напрочь не приостановленное зачервивление наших верхов – к чему (так Блок было подумал) поэт был и сам кровно причастен, хотя субъективно червей и членистоногих ненавидел.

* * *

Итак, Блок не всё знал о себе. В стремленьях же своих он был поэтом русским. Как русский, он издавна желал сам и самолично увидеть **новое небо и новую землю**, он хотел вместить в русскую телесность вечную или давнюю форму-идею. Всё русское, что и впрямь было-таки поднято революцией-цунами, что было не уничтожено, а спасено революцией как кровавой, но очистительной для нутра рвотой – то русское, что тоже Блок знал не полностью, – оно автору книги о Блоке, очевидно, чуждо. Чужда ему и драма Блока – как закоренелого патриота.

Впрочем, подобные вам, батенька, авторы даже и русскую революцию тоже приветствовали, и они её даже воспевали. За что ж сегодня её преследуете вы?

А за то, что новая, не дай бог, революция лишит вас грантов, гонораров, стипендий во Франкфурты, Парижи и Калифорнии. Это будет по-русски, но это ж будет убийственно!

Да ещё опять окажется, что как ни крути, а всё равно

впереди — Иисус Христос.

Но ведь это же крайне не опасно. Это крайне нежелательно. Христос — он прогрессивным интеллигентным человечеством оставлен далеко позади. Вот почему автор книги о Блоке не говорит о своём предмете всей правды.

А ведь чует её!

* * *

Чует правду — потому что правда и сейчас та же. Утонула ли, например, Россия Блока. Да нет: его незнакомки и дымки севера и сейчас ласкают слух и взгляд. На озёрах у дач всё по-старому:

*Над озером гремят уключины
И раздаётся женский визг.*

Сам Маяковский признавался, что это непотопляемо:

*на луже, зажатой берегом в бока,
орёт целуемая лодочникова дочка:
славное море, священный Байкал,
славный корабль, омулёвая бочка...*

Это было раннее советское время. Сейчас кое-что даже окрепло: к визгу Аллы Борисовны примкнул визг Филиппа Киркорова, визг былого борца с японским милитаризмом, ныне антисталиниста Млечина; примкнул дисканток Карловича-Сванидзе. Возникла уйма мужских визгов, уйма человеко-артистов: Остапов Бендеров, Хазановых, Жириновских, Веллеров... (Мы не шовинисты и даём многосоставную выборку.) Россия по-прежнему слышит орду ликующих и праздно болтающих, обагряющих руки в крови. Издатели Блока и его биографы то так же, как и раньше, безграмотны, то так же трусливы.

Но нам-то чего трусить? Ну, обнаружат в нас многогрешных четверть монгольской крови. Ну, найдут какую-то одну тысячную крови татарской; в падушую не вдарюсь, истерики не закачу, ногтей и локтей кусать не стану; и не обвиню Россию по причине своей собственной мужской неполноценности страшной тоталитаризма. Вот разве пожалеть, что **Блока на них нет, на сытых и изворотливых и семенящих у нас за спиной “пахучим шагом”, как выразился насчёт сионских высот несравненный интернационалист Пушкин.**

Однако и на Блока достойных его авторов — жалко — всё тоже нету и нету.

Не знаю, нынешний Влад. Новиков — тот ли он студент-аспирант Володька, которого я, бывало, встречал. До Высоцкого тот Володька дорости, конечно, мог — да правду насчёт Высоцкого как лжеесенина современности и “позднего совка” он и всегда чуял. А в Блоке — вот в нём схватить не то что тип человека, о чём мы говорили, но хотя бы его чрезвычайно высокий уровень передать, это Влад. Новикову не под силу. Он и половины путеводных по Блоку источников не знает: загляните в библиографию, что есть при его книге. Не читал он в подлиннике заветных блоковских дневников, достоверных изделий поэта, умных книг и статей о Блоке.

* * *

Боятся, боятся русской правды. Боятся правды о драме непутёвого, но русского человека (таков Блок, и мы ничего иного не внушали). Боятся русского пути; боятся русской революции. Землетрясения, вопреки собственной

контрпропаганде, выставляют как заговор античеловеческих сил. Казалось бы – революция как заговор есть химера. Да нет – всё боятся.

А это она ведь, она выводила в академики тех, кто рос в семьях питерских зубных техников или аптекарей. И уже в чинах, это они учили нас, как “презренных совков”, неизвестным им же самим греко-латинским премудростям. В старой Академии такое бы не прошло. А в новой это они уверяли, будто оказались в Соловках незаконно, а вели себя там по-русски; что православию опасно, а время печатанию “Слова о законе и благодати” не пришло; что слово “антропосфера” латинское, а “диалог” значит беседа двух лиц и поэтому нужно слово “полилог” ... И многие верили этому, как верили начитавшемуся западных газет академику Сахарову.

Что-то сегодня робеет народ – разоблачить их мнимую учёность; кто-то и сам их не выше. Ну, а какие такие чёрные силы им всем мешают подрасти интеллектуально и нравственно? Неужели виновато невидимо-вездесущее, глубоко законспирировавшее свой сыск и свою цензуру новое начальство?

Да не может быть.